

Д-ръ Иванъ Франко.

ПОЭТЪ ИЗМѢНЫ

(Ein Dichter des Verrathes.)

*Переводъ съ польскаго изданія, дополненнаго
предисловіемъ „польскаго патріота.“*

ВАРШАВА

„Центральная Типографія“, Тломацкая 4.

1897.

UNIVERSITY OF
MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR MI 48106-1000
U.S.A.

Д-ръ Иванъ Франко.

ПОЭТЪ ИЗМѢНЫ

(Ein Dichter des Verrathes.)

*Переводъ съ польскаго изданія, дополненнаго
предисловіемъ „польскаго патріота.“*

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-339 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ВАРШАВА

„Центральная Типографія," Тломацкая 4.

—
1897.

Дозволено Цензурою
Варшава, 27 Июля 1897 года.

8320
<https://rcin.org.pl>

Отъ русскаго переводчика.

Адамъ Мицкевичъ считается по нынѣшній день въ широкихъ кругахъ польскаго общества вѣщимъ геніемъ, національнымъ пророкомъ, каждое слово котораго можетъ быть поставлено на ряду съ евангельскими истинами. Между тѣмъ, объективная литературная критика давнымъ давно обратила вниманіе на темныя пятна въ произведеніяхъ этого поэта. Даже самый извѣстный корифей литературной критики, Жоржъ Брандесъ, и тотъ нашелъ, что вся поэзія Мицкевича не что иное, какъ „восхваленіе обмана и нападенія изъ за угла.“

Всѣ эти отзывы объективной критики проходили безслѣдно до тѣхъ поръ, пока галиційскій публицистъ, докторъ философіи Иванъ Франко, не помѣстилъ въ вѣнскомъ журналѣ „Die Zeit“ своеобразную оцѣнку произведеній Мицкевича, изъ которой явствуетъ, что Мицкевичъ является отнюдь не геніальнымъ апостоломъ истины, мира и любви, а геніальнымъ глашатаемъ гнилыхъ началъ разлагающейся среды. Статья Д-ра Франка надѣлала много шума, польская печать возмущалась дерзостью человѣка, который посмѣлъ „осквернить національную святыню“, но въ концѣ концовъ и среди польскаго обще-

ства нашелся „патріотъ“, который „народную честь“ ставить выше „безсмысленнаго культа человѣка-единицы.“

Мы перевели на русскій языкъ отзывъ этого „польскаго патріота“ вмѣстѣ съ статьею Д-ра Франка, и питаемъ надежду, что русская публика обратитъ вниманіе на возникающій литературный споръ, отъ исхода котораго зависитъ дальнѣйшая объективная оцѣнка эпохи романтизма въ польской литературѣ.

Предисловіе польскаго патріота

къ польскому изданію „Поэта измѣны.“

Извѣстный галицкій публицистъ и ученый сла-
вистъ, докторъ философіи Иванъ Франкъ, сотрудникъ
многихъ польскихъ журналовъ, между прочимъ так-
же и петербургскаго „Края“, помѣстилъ въ вѣн-
скомъ журналѣ „Die Zeit“ статью о Мицкевичѣ, оза-
главленную: „Ein Dichter des Verrathes (поэтъ измѣ-
ны)“, дословный переводъ которой мы осмѣливаемся при-
поднести польской публикѣ.

На долю Мицкевича, не смотря на его литов-
ско-русское происхожденіе, досталось почетное имя
польскаго „національнаго вѣтіи.“ Поэтому мы ду-
маемъ, что намъ по праву слѣдуетъ надѣяться на
признательность со стороны польскаго общества, ко-
торое вѣдь не можетъ быть подозрѣваемо въ стремле-
ніи къ заплѣснѣвшему и одностороннему воззрѣнію
до такой степени, чтобы оно не пожелало имѣть точ-
ныя свѣдѣнія обо всемъ, что говорятъ и пишутъ про
его пророка иностранцы, а тѣмъ болѣе иностранецъ,
который не чуждъ польской литературѣ.

Мы желаемъ однако быть вполне искренними, и за-
являемъ открыто, что выпуская въ свѣтъ польскій
переводъ разсужденія доктора Франка, мы имѣли въ
виду еще другое обстоятельство, которое требуетъ
болѣе подробныхъ объясненій.

Найдя въ нѣмецкомъ журналѣ статью, написанную, во всякомъ случаѣ, въ благопристойномъ тонѣ, мы были убѣждены, что или докторъ Франко встрѣтитъ надлежащій отвѣтъ со стороны польскихъ ученыхъ и публицистовъ, или - же взгляды польской критики на культурное значеніе Мицкевича кореннымъ образомъ измѣнятся.

Этого требуетъ польская народная честь. Но, увы! надежды наши до сихъ поръ не оправдались!

Галицко-польская печать вылила на автора статьи цѣлый потокъ ругательствъ, которыхъ постыдился-бы самый послѣдній варшавскій бродяга, въ мѣстныхъ же польскихъ газетахъ мы встрѣчались исключительно только съ общими фразами, изъ которыхъ проглядывала личная ненависть, а на ряду съ ними также и съ неимѣющей значенія замѣткой о томъ, что никто не имѣетъ права осуждать великаго поэта, который въ минуту мучительныхъ сомнѣній не могъ воздержаться отъ естественной желчной вспышки.

Какъ одно такъ и другое не можетъ быть признано удовлетворительнымъ отвѣтомъ.

Всякій долженъ согласиться, что выраженія „бастардъ“, „подлецъ“, „бѣшеная собака“ и тому подобныя эпитеты никакъ не въ состояніи ослабить выводы ученаго, хотя бы даже основанные на сущей лжи, который ссылается на такихъ корифеевъ критики, какъ Жоржъ Брандесъ и блж. пам. Казтанъ Козмянъ. Точно также не въ состояніи ослабить ихъ и поверхностная замѣтка о минутной желчной вспышкѣ, такъ какъ докторъ Франко разсуждаетъ не о минутномъ настроеніи поэта, но о постоянномъ, систематическомъ лелѣянніи началъ общественнаго разложенія, не согласующихся съ общепринятымъ кодексомъ нравственности.

Какой отсюда выводъ?

Неужели польскій ученый міръ измелъчалъ до такой степени, неужели въ польскомъ обществѣ до того затерялось сознание чести и гражданского долга, что ни у кого не хватаетъ ни храбрости ни желанія стать въ защиту великаго поэта, носящаго имя

польскаго „народнаго витіи“? Или же, Боже сохрани, выводы доктора Франка подтверждаются столь вѣскими доказательствами, что всякая серьезная полемика съ львовскимъ ученымъ должна кончиться нашимъ полнымъ пораженіемъ?

Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! Мы не вѣримъ ни въ то ни въ другое! Напротивъ, мы желаемъ объяснить себѣ иначе съ одной стороны то грубое поведеніе галицкой печати, съ другой это достойное осужденія равнодушіе, съ которымъ авторитетная часть польскаго общества приняла къ свѣдѣнію статью вѣнскаго журнала.

По нашему мнѣнію, которое, дай Богъ, чтобы не было ошибочно, галицкая печать, развивающаяся въ слишкомъ ненормальныхъ условіяхъ, пала такъ низко, что она не въ состояніи подыскать себѣ другаго оружія для полемики, кромѣ грубой ругани, заимствованной гдѣ нибудь въ грязномъ кабацѣ. Съ другой стороны, наше мѣстное польское общество могло развѣ только поверхностно ознакомиться съ содержаніемъ статьи вѣнскаго журнала, который у насъ принадлежитъ къ запрещеннымъ рѣдкостямъ, въ виду чего и отвѣтъ нашей печати долженъ былъ остаться поверхностнымъ, неудовлетворительнымъ.

Желая устранить зло, мы предлагаемъ ко всеобщему свѣдѣнію разсужденіе доктора Франка въ дословномъ переводѣ на польскій языкъ. Сами мы не въ состояніи состязаться съ ученымъ славистомъ и знатокомъ польской литературы, такъ какъ у насъ не имѣется необходимыхъ для этого подготовительныхъ студій. Но мы питаемъ непоколебимую надежду, что наши ученые и литераторы-спеціалисты исполняютъ свой священный долгъ, и обращаемся къ нимъ съ слѣдующими вопросами, которые ставимъ ясно и опредѣленно:

Лишены-ли выводы доктора Франка всякаго основанія, въ виду чего таковые не выдерживаютъ серьезной критики?

Или же справедливость находится на сторонѣ новаго, оригинальнаго воззрѣнія доктора Франка на

культурное значеніе поѣтической дѣятельности Адама Мицкевича, —воззрѣнія, поддерживаемаго авторитетомъ Жоржа Брандеса и Казтана Козмына?

Въ первомъ случаѣ сердца наши исполнятся радости, такъ какъ потеряетъ силу упрекъ въ распространеніи нравственной порчи, приносящій вредъ безсмертной славѣ чловѣка, передъ геніемъ котораго заставляють польскій народъ преклонять колѣни. Въ первомъ случаѣ всякій Полякъ будетъ имѣть возможность смѣло смотрѣть впередъ, и заявить съ гордостью: нашъ народный витія безъ упрека, безъ пятна!

А во второмъ...

Во второмъ случаѣ даже столь мучительное разочарованіе не должно бы одолѣть характеръ польскаго народа, унизить его до такой степени, чтобы онъ искалъ выхода съ помощью искусственныхъ увертокъ или же бессмысленной ругани. Честь всего народа, будущая участь его молодыхъ поколѣній, охранять которыхъ передъ пагубнымъ вліяніемъ нравственной гнили есть наша священная обязанность, все это повелѣвало-бы польскому обществу возложить на жертвенникъ отечества тяжелую жертву, отказаться отъ бессмысленнаго культа чловѣка-единицы даже въ случаѣ, если бы онъ былъ величайшимъ геніемъ міра.

„Перворазрядный талантъ, необыкновенный геній—какъ жаль, что онъ погибъ подъ вліяніемъ гнилой среды!“—вотъ какъ долженъ выражаться о Мицкевичѣ въ данномъ случаѣ всякій Полякъ, искренне любящій свой край и свой народъ.

Мы отлично понимаемъ, что еслибы, сохрани Богъ! — на первый изъ вышепоставленныхъ вопросовъ не могло послѣдовать яснаго и опредѣленнаго утвердительнаго отвѣта, въ такомъ случаѣ насъ лишили бы чести и довѣрія, и забросали бы градомъ оскорбительныхъ эпитетовъ, такъ какъ культъ Мицкевича у насъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни. Но это обстоятельство насъ не пугаетъ, и мы храбро принимаемся за исполненіе патріотическаго долга.

Притомъ мы питаемъ надежду, что всякій разумный Полякъ, искренно любящій свой народъ, соединится съ нами въ благородныхъ стремленіяхъ, имѣющихъ цѣлью разоблаченіе истины. Мы сослужимъ хорошую службу польской отчизнѣ, сохранимъ въ чистотѣ польскую народную честь только въ такомъ случаѣ, если лишимъ цивилизованный міръ права наплевать намъ въ глаза, бросить въ лицо оскорбленіе:

„Сооружаете памятникъ пѣвцу измѣны!“

Писалъ въ Варшавѣ въ іюнь мѣсяцъ 1897 г.

Польскій патриотъ.

„Содержите примитивный роды намыли“

Вопрос о примитивности родов намыли является одним из самых сложных и спорных вопросов в истории естествознания. Впервые этот вопрос был поставлен в 1859 году Чарльзом Дарвином в его знаменитом труде „Происхождение видов“. Дарвин утверждал, что все виды животных и растений происходят от общего предка и что в процессе эволюции они изменяются, давая rise к новым видам. Это утверждение было революционным для своего времени, так как до этого считалось, что виды являются неизменными и созданы Богом. Однако, несмотря на то, что Дарвин был первым, кто предложил эту теорию, он не смог доказать ее. Его теория была основана на наблюдениях за животными и растениями, а также на анализе ископаемых остатков. Но он не имел достаточных данных, чтобы доказать, что все виды действительно происходят от общего предка. Поэтому его теория была воспринята с большим скепсисом. Только в начале XX века, когда были открыты законы Менделя и другие законы генетики, теория Дарвина получила научное обоснование. Сегодня теория эволюции является одной из самых прочных и проверенных теорий в естествознании. Она объясняет происхождение и развитие всех живых организмов на Земле. Однако, несмотря на то, что теория эволюции является научной, она продолжает вызывать споры и дискуссии. Некоторые люди считают, что теория эволюции противоречит Библии и другим религиозным верованиям. Другие же считают, что теория эволюции является просто философией, а не наукой. Но для большинства ученых теория эволюции является основой современной биологии. Она помогает нам понять, как устроены живые организмы, как они взаимодействуют друг с другом и как они изменяются со временем. Поэтому, если вы хотите понять природу, то вам необходимо знать о теории эволюции.

Поэтъ измѣны.

Уже Жоржъ Брандесъ въ статьѣ п. загл. „Польскій романтизмъ“ мѣтко указалъ на одинъ изъ главныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ величайшихъ польскихъ поэтовъ Мицкевича и Словацкаго. Онъ опредѣлилъ его прямо и ясно, называя „восхваленіемъ обмана и нападенія изъ за угла,“ и я не мало былъ удивленъ, что ни одинъ полякъ не рѣшился возстать противъ этихъ словъ. Какъ же такъ? Мицкевичъ, который считается у поляковъ олицетвореніемъ народнаго гения, апостоломъ самой чистой гуманности и возвышеннаго идеализма,—и „восхваленіе обмана“? И это говоритъ корифей критики, другъ поляковъ! Если они не протестовали, не привлекли Брандеса къ позорному столбу безчестія, какъ преступника, оскверняющаго ихъ народную святыню, въ такомъ случаѣ и я осмѣливаюсь высказать на этомъ мѣстѣ нѣсколько еретическихъ мыслей, относящихся къ „величайшему польскому поэту,“ мыслей, которыя бродятъ въ моей головѣ еще съ гимназическихъ временъ. Я кончилъ именно польскую гимназію, учителя которой рекомендовали мнѣ для чтенія прежде всего стихотворенія Мицкевича; произведенія этого поэта находились въ учебникѣ польской литературы; насъ заставляли изучать его біографію и содержаніе его выдающихся произведеній; день его рожденія торжественно праздновался школьной молодежью,—однимъ словомъ, насъ учили почитать Мицкевича, какъ од-

ного изъ величайшихъ героевъ духа, и считать святыми его слова, какъ изліяніе величайшаго генія.

Помню еще тотъ случай, когда я, по врожденной страсти къ противорѣчію, въ одномъ изъ классныхъ сочиненій возсталъ противъ этого культа Мицкевича, объясняя одно изъ его стихотвореній, на тему котораго было задано сочиненіе, такимъ образомъ, что учитель польской литературы по поводу моей работы принесъ на меня формальную жалобу въ дирекцію, вслѣдствіе чего я получилъ отъ директора строгій выговоръ за мою еретическую экзегетику. Съ тѣхъ поръ Мицкевичъ казался мнѣ всегда довольно страннымъ святымъ, внимательное же изученіе всѣхъ его произведеній убѣдило меня впоследствии, что я былъ вполне правъ, руководствуясь моими юношескими чувствами.

Преждѣ чѣмъ приступлю къ общей характеристикѣ названнаго польскаго генія, считаю своимъ долгомъ сдѣлать одну оговорку. Я не намѣренъ вредить Мицкевичу — поэту, потрясать его поэтическую славу. Я хочу только поставить на видъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ, господствующій въ его поэзіи, и освѣтить таковой примѣрами, — а именно тотъ мотивъ, который кажется мнѣ характернымъ какъ по отношенію къ поэту, такъ и къ окружающему его обществу. Мицкевичъ родился и воспитывался въ очень ненормальной и нездоровой политической атмосферѣ. Наканунъ его рожденія пала и была раздѣлена древняя Польша. Ея паденіе подняло много пыли, обнаружило столько испорченности, безхарактерности, цинизма и продажности, что молодые поколѣнія были принуждены въ теченіи многихъ лѣтъ дышать этою отравленною атмосферой. И мы замѣчаемъ, что Мицкевичъ сейчасъ же при вступленіи на литературное поприще обнаруживаетъ расположеніе фантазіи къ изображенію измѣны — нападенія изъ-за угла и ренегатства.

Въ его произведеніяхъ встрѣчается длинная вереница измѣнниковъ, которые, однако, являются отнюдь не второстепенными фигурами въ родѣ Яго,

Гоахима (Цимбелинъ), Гонерилья у Шекспира; все это герои, окруженные волшебной прелестью романтизма, люди возвышенные, и это-то обстоятельство составляет подозрительную и отталкивающую черту вышеупомянутых произведений.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Мицкевичъ изображаетъ намъ не только такъ называемыхъ „измѣнниковъ — патриотовъ“, не только людей, которые убѣждены, что ихъ пламенная любовь къ отчизнѣ можетъ быть засвидѣтельствована исключительно только путемъ измѣны врагу. Нѣтъ, у Мицкевича встрѣчаются цѣлыя серіи измѣнниковъ всякаго сорта, начиная съ чисто личныхъ и кончая высоко патриотическими.

Уже въ его литературномъ дебютѣ, въ псевдо-историческомъ разсказѣ „Живилъ“ (написанномъ въ 1818 г.), герой разсказа, Порай, измѣняетъ своему государю, князю Коріату, чтобы съ помощью врага пріобрѣсти руку княжеской дочери. Съ помощью непріятельскихъ войскъ онъ овладѣваетъ столицей своего князя, освобождаетъ княжескую дочь изъ тюрьмы, въ которой она томила, но погибаетъ отъ ея руки какъ измѣнникъ.

Въ 1822 году появилась первая книжка стихотвореній Мицкевича. Книжечка содержала „баллады и романсы“, и годъ ея появленія считается началомъ новой эпохи въ польской литературѣ. Ознакомляясь съ содержаніемъ этой книжечки, мы несомнѣнно будемъ поражены многочисленностью встрѣчающихся въ ней сценъ измѣны, и героев-измѣнниковъ.

Сейчасъ же во второй балладѣ „Свитезянка“ (русалка изъ озера Свитезь) разсказывается о томъ, какъ молодой охотникъ влюбляется въ русалку и клянется ей въ вѣчной любви. Немного погодя онъ ухаживаетъ уже за другой дѣвушкой, которая появилась въ лѣсу, и обнимаетъ ее. Оказывается, что это была его первая любовница, и вѣроломный любовникъ долженъ терпѣть 1000 лѣтъ адскія муки. Въ балладѣ „Рыбка“ мы видимъ бѣдную сельскую дѣвушку, которой измѣняетъ одинъ баринъ; она бросается

въ рѣку, а затѣмъ превращаетъ барина и его жену въ камень.

Чрезвычайно характерною въ этомъ отношеніи, настоящимъ трактатомъ объ измѣнѣ друга, является баллада „Тукай или испытаніе дружбы.“

Тукай, богатый, сильный, умный человѣкъ, умирая приходитъ къ заключенію, что богатство, могущество, умъ и добродѣтель не что иное, какъ пустой дымъ. Ему жаль только своей любовницы и своихъ друзей. Вдругъ является кудесникъ, который обѣщаетъ ему указать путь, ведущій къ безсмертію, но подъ условіемъ, что онъ ступитъ на этотъ путь вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей, на котораго можно вполнѣ положиться. Тукай ничего на это не отвѣчаетъ, такъ какъ никто не въ состояніи знать чужія мысли. „Можетъ быть ты питаешь довѣріе къ любовницѣ, къ женѣ?“ — „Да!“ — Но тутъ онъ замолкъ и печально посмотрѣлъ впередъ. Онъ раздумываетъ, переживаетъ внутреннюю борьбу. „Да, къ любовницѣ, да, къ женѣ!...“ Онъ соображаетъ, имъ овладѣваетъ тревога, онъ сомнѣвается и сгораетъ со стыда. Онъ думаетъ, борется съ самимъ собою, хочетъ уже рѣшиться, отвѣтить, и — ничего не отвѣчаетъ. В. концѣ концовъ онъ заключаетъ договоръ, и узнаетъ предварительно, что злые духи будутъ искушать его друга и подстрекать его къ измѣнѣ. Итакъ Тукай начинаетъ слѣдующимъ образомъ разсуждать объ этомъ искушеніи:

Jakieźkolwiek te fortele,
O których slyszalem z góry,
Czy ich niewiele, czy wiele,
Trojakiej będą natury.
Chcąc kogo przywieść do zdrady,
Trzeba siły albo rady;
Albo podarunkiem skusić,
Albo strwożyć, albo zmusić.
Toż samo krótszemi słowy
Będzie syllogizm takowy:
Trojaka do zguby droga:
Ciekawość, łakomstwo, trwoga.

Więc kto w tym trojakim względzie
Twardej nie ulegnie próbie,
Takiemu już można będzie
Ufać jak samemu sobie.

(Какія бы это ни были хитрости, о которых меня предупредили, будетъ-ли ихъ много или мало, всё онѣ должны принадлежать къ одному изъ трехъ разрядовъ. Чтобы когонибудь довести до измѣны, для этого требуется сила или совѣтъ; нужно или искусить подаркомъ, или припугнуть, или приневолить силой. Короче сказать, къ гибели ведутъ три дороги: любопытство, жадность и страхъ. Кто въ этихъ трехъ случаяхъ не поддается строгому испытанію, тому можно вѣрить какъ самому себѣ.)

Затѣмъ Тукай испытываетъ своихъ трехъ самыхъ надежныхъ друзей, и — конечно—всѣ трое измѣняютъ ему.

Неважное значеніе имѣетъ „Ренегатъ“, въ которой полякъ, принявшій мусульманство, умираетъ при одномъ видѣ польки—рабы, подаренной ему султаномъ.

Баллада со сложнымъ мотивомъ измѣны озаглавлена: „Засада“ (Czaty). Нѣкій воевода входитъ въ свою спальню и видитъ, что жены нѣтъ. Онъ уже знаетъ мѣсто, гдѣ ее искать, зоветъ своего казака, велитъ ему взять два ружья и огнестрѣльные заряды, и отправляется въ садъ, гдѣ жена его нѣжится въ объятіяхъ своего прежняго любовника. Воевода приказываетъ казаку взять на прицѣлъ жену, самъ же онъ намѣревался убить юношу, но казакъ, не дожидаясь сигнала, стрѣляетъ прямо въ воеводу.

Большая часть балладъ издана въ 1822 г. въ Вильнѣ. Тутъ Мицкевичъ не является еще пламеннымъ патріотомъ постѣдующихъ годовъ, поэтому въ нихъ не встрѣчаются патріотическія соображенія, не замѣтенъ тотъ контрастъ между безсиліемъ побѣжденной Польши и могуществомъ Россіи, который впослѣдствіи безпрестанно заставлялъ его инте-

роваться разнородными видами измѣны. Что натолкнуло его на этотъ путь, надъ этимъ пускай ломають себѣ свои достойныя головы филологи Мицкевича, я же намѣренъ продолжать исчисленіе фактовъ. Три эпопеи, на которыхъ главнымъ образомъ зиждется поэтическая слава Мицкевича, Гражина, Конрадъ Валленродъ и Панъ Тадеушъ, не вполне лишены свойственной ему запутанности вкуса. Напротивъ, въ Гражинѣ и Конрадѣ Валленродѣ измѣна является главнымъ мотивомъ. Герой „Гражины“, литовскій удѣльный князь Литаворъ, намѣревается измѣнить великому князю Витовту, и съ этой цѣлью заключаетъ союзъ съ орденомъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, который и присылаетъ ему отрядъ войска для задушенной войны. Объ этомъ узнаетъ жена Литавора, Гражина, осыпаетъ мужа просьбами не возстановлять братьевъ противъ братьевъ, и не прибѣгать къ содѣйствію нѣмцевъ. Такъ какъ Литаворъ не поддается просьбамъ, то она сама, на собственный страхъ, постыдно прогоняетъ нѣмецкихъ посланниковъ. Обиженные нѣмцы направляютъ свои силы противъ города Литавора; Литовцы готовятся къ борьбѣ, но Литаворъ спитъ въ замкѣ; вмѣсто него Гражина одѣваетъ броню и принимаетъ участіе въ борьбѣ. Нѣмцевъ окружаютъ въ лѣсу, завязывается жестокое сраженіе, въ которомъ тяжело раненная Гражина падаетъ. Только въ послѣдній моментъ является Литаворъ, который одолеваетъ нѣмцевъ, велитъ нести Гражину въ свой замокъ, и находитъ смерть возлѣ нея на кострѣ. Предположенная измѣна Литавора литовскому отечеству мотивируется грубой жадностью, но Гражина спасаетъ честь отечества съ помощью другой измѣны, совершенной по отношенію къ нѣмцамъ.

Великая эпопея такъ называемой патріотической измѣны, создана Мицкевичемъ только въ Конрадѣ Валленродѣ. Съ появленіемъ этой поэмы (въ 1828 г.) даже польская критика указала на нравственную негодность и мерзость всего того, что окружено здѣсь поэтическимъ ореоломъ геройства и славы.

Итакъ Каэтанъ Козьмянъ писалъ въ 1828 году: „Ни одному поэту еще не приходилъ въ голову подобнаго рода сюжетъ; вопреки исторіи, Валленродъ изображенъ подлымъ измѣнникомъ, и даже литовцемъ, для того, чтобы дать понятіе, какъ пламенно литовцы любятъ свое отечество.“

Конрадъ Валленродъ написанъ въ Россіи (въ Одесѣ и Москвѣ), куда поэтъ былъ сосланъ послѣ кратковременнаго тюремнаго заключенія въ Вильнѣ. Несмотря на самый радушный и сердечный пріемъ, поэтъ чувствовалъ себя угнетеннымъ и обиженнымъ въ своемъ патріотизмѣ. Онъ вблизи видѣлъ ужасающее могущество Россіи. Какимъ образомъ его возлюбленная Польша могла побѣдить Россію, и освободиться отъ этого могущества? Онъ чувствовалъ себя „рабомъ“, и его фантазія олицетворила это чувство въ великой поэмѣ. „Ты рабъ“ — гласитъ одно мѣсто этой поэмы — „а единственное оружіе раба — это измѣна.“

Здѣсь я приведу только краткое содержаніе поэмы. Нѣмецкіе крестоносцы похищаютъ въ плѣнъ литовскаго мальчика, крестятъ его, и воспитываютъ во дворцѣ гротъ-мейстера. Но тутъ онъ встрѣчается съ литовскимъ вайделотомъ (народнымъ пѣвцомъ), точно такъ-же похищеннымъ прежде, который исполняетъ въ орденѣ обязанности переводчика. Пѣвецъ пробуждаетъ въ груди мальчика пламенный литовскій патріотизмъ, учитъ его ненавидѣть своихъ воспитателей и угнетателей его родины. Наука попадаетъ на плодородную почву. Достигшій юношескаго возраста Альфъ — такъ называется герой — хочетъ бѣжать въ Литву, но вайделотъ говоритъ ему: „Останься еще, научись у нѣмцевъ военному искусству, старайся пріобрѣсти ихъ довѣріе, а тамъ, дальше, посмотримъ что намъ дѣлать.“ Но юноша не выдержалъ, и въ первомъ-же сраженіи бросилъ орденъ, взялъ съ собой вайделота, и пробрался на сторону литовцевъ. Здѣсь онъ сдѣлался сподвижникомъ князя Кейстута, который женилъ его на своей дочери Альдонѣ. Но когда въ слѣдующемъ году крестоносцы съ громад-

ными силами напали на Литву, и устроили жестокою рѣзню, тогда Альфъ съ помощью вайделота составилъ планъ, по которому онъ долженъ былъ отправиться на западъ Европы, пріобрѣсти тамъ славу, и добиться званія грессъ-мейстера ордена, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и успѣшнѣе уничтожить самый орденъ. Это только вступленіе къ поэмѣ, которая еще впереди. Поэма начинается съ выбора грессъ-мейстера ордена. Нѣкто Конрадъ Валленродъ признается всѣми самымъ достойнымъ. Въ поэмѣ сказано:

Оп cudzoziemiec, w Prusach nieznajomy,
Sławą napełnił zagraniczne domy;
Czy maurów ścigał na Kastylskich górach,
Czy ottomana przez morskie odmęty,
W bitwach na czele pierwszy był na murach,
Pierwszy zahaczał pohańców okręty.

(Онъ иностранецъ, неизвѣстный въ Пруссіи, слава его гремитъ при заграничныхъ дворахъ. Преслѣдуя въ горахъ Кастиліи мавровъ, и на морѣ турокъ, вездѣ онъ сражался во главѣ рыцарства, первымъ являлся на стѣнахъ крѣпости, и первый нападалъ на судна басурманъ).

На ряду съ многочисленными доблестями у него замѣчался одинъ порокъ: онъ любилъ искать утѣшенія въ горячихъ напиткахъ. Изъ всѣхъ братьевъ ордена только одинъ имѣлъ на него большое, чрезвычайное вліяніе, а именно нѣкто Гальбанъ, съдой монаховъ и его духовникъ.

Благодаря содѣйствію Гальбана Конрадъ сталъ грессъ-мейстеромъ ордена, но вмѣсто того, чтобы сейчасъ-же предпринять священную войну съ Литвою, онъ проводилъ время въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока литовцы не сдѣлались до того дерзкими, что сами вызвали месть ордена. Только тогда орденъ собралъ большую армію, которую двинулъ на Литву. Но Валленродъ напрасно осаждалъ Вильну до тѣхъ поръ, пока не наступила зима, и вся армія была истреблена отчасти снѣжными мятелями, голодомъ и болѣ-

знями, отчасти-же литовцами, такъ, что только жалкіе остатки возвратились въ Мариенбургъ. Конрадъ возвратился тоже, чтобы пасть жертвою тайнаго суда, который тѣмъ временемъ узнать о его литовскомъ происхожденіи, о его тождествѣ съ Альфомъ.

Онъ умираетъ со злобною насмѣшкой на устахъ:

Zrywa płaszcz, mistrza znak na ziemię miota,
Depce nogami z uśmiechem pogardy:
Oto są grzechy mojego żywota!
Gotówem umrzeć, czegoż chcecie więcej?
Z urzędu mego chcecie słuchać sprawy?
Patrzcie na tyle zgubionych tysięcy,
Na miasta w gruzach, w płomieniach dzierzawy!
Słyszycie wicher? Pędzi chmury śniegów:
Tam marzną waszych ostatki szeregów!
Słyszycie? Wyją głodnych psów gromady...
One się gryzą o szczątki biesiady!
Ja to sprawilem! Jakem wielki, dumny;
Tyle głów hydry jednym ściąć zamachem,
Jak Samson jednym wstrząśnieniem kolumny
Zburzyć gmach cały, i runąć pod gmachem!

(Онъ снимаетъ плащъ, бросаетъ на землю знакъ гротескъ-мейстера, и топчетъ его ногами съ презрительной улыбкой: вотъ грѣхи моей жизни! Я умереть готовъ, чего вамъ еще нужно? Хотите выслушать мой отчетъ по службѣ? Смотрите на гибель столькихъ тысячъ, на развалины городовъ, разрушенныя владѣнія! Слышите бурю? Она нагоняетъ тучи снѣга: тамъ замерзаютъ остатки вашихъ войскъ! Вы слышите-ли какъ страшно воютъ стаи голодныхъ собакъ? Онѣ грызутся изъ за остатковъ пиршества! Все это моихъ рукъ дѣло! Какъ я великъ, какъ гордъ: столько головъ гидры срубить однимъ взмахомъ, какъ Самсонъ однимъ потрясеніемъ колонны разрушить все зданіе, и самому погибнуть подъ его развалинами!)

Его старыи наставникъ по теоріи и практикѣ измѣны, впослѣдствіи его секретарь и начальникъ от-

дѣленія Гальбанъ, переживаетъ его. Онъ хочетъ жить еще, чтобы распространять славу Конрада и приобрести новыхъ такихъ-же патріотовъ. И въ самомъ дѣлѣ въ новѣйшей исторіи Польши было время, когда казалось, что „идея этой поэмы сдѣлалась путеводной звѣздой всякаго благороднаго польскаго патріота,“ какъ замѣчаетъ новѣйшій издатель произведеній Мицкевича Бигелейзенъ (I, 487). Уже спустя десять лѣтъ Юлій Словацкій, въ началѣ своей поэтической карьеры находившійся тоже подъ знаменемъ Мицкевича, писалъ въ своей поэмѣ „Бенѣвскій:“ „Сегодня лучше для измѣнниковъ, если ихъ не бросаютъ подъ ледъ; имъ легче избѣжать фонаря. Круковецкій (комендантъ гор. Варшавы подъ конецъ мятежа 1831 г., который, какъ гласитъ молва, сдалъ городъ русскимъ) является Валленродомъ Варшавы, Гуровскій-же (графъ, заявлявшій себя рьянымъ демократомъ въ кругу польской эмиграціи, и сыгравшій жалкую роль) — это Валленродъ демократіи. Оба они грязны, но оба имѣютъ возвышенные побужденія. Оба желаютъ Польши, чтобы избѣжать наказанія, такъ какъ эта достойная пара отлично понимаетъ, что легче обмануть поляковъ, чѣмъ русскихъ. Валленродизмъ сдѣлалъ много добра, очень много! Онъ ввелъ методъ въ измѣну, изъ одного измѣнника сдѣлалъ ихъ сотни тысячъ.“ (Произведенія Словацкаго. Бигелейзенъ 377). Слѣдуетъ замѣтить, что въ Конрадѣ Валленродѣ есть нѣсколько дивныхъ лирическихъ стихотвореній, которыя несомнѣнно изящнѣе и цѣннѣе всѣхъ остальныхъ мѣстъ поэмы. Къ ихъ разряду слѣдуетъ отнести прежде всего балладу „Альпугара“, которую поетъ герой поэмы въ собраніи гостей, и въ которой изображена потрясающая картина, заключающая въ себѣ цѣлую программу его дѣятельности. Испанскіе мавры покорены, держится еще только Гренада, гдѣ повелѣваетъ храбрый Альманзоръ. Но въ крѣпости свирѣпствуетъ зараза. Въ концѣ концовъ сдается и эта крѣпость, всѣ мавры погибаютъ, только Альманзоръ и нѣсколько чело­вѣкъ рыцарей спасаются бѣгствомъ. Но когда по-

бѣдители на дымящихся развалинахъ устраиваютъ пиръ, онъ возвращается, сдается своимъ врагамъ, и заявляетъ, что желаетъ принять крещеніе. Набожные испанцы привѣтствуютъ его сердечно, и цѣлуются съ нимъ всѣ поочереды. И онъ сердечно цѣлуетъ ихъ всѣхъ, особенно ихъ вождя, но вслѣдъ за тѣмъ падаетъ со словами:

Patrzcie o giaury! Jam siny, blady...
Zgadnijcie, czyim ja posłem?
Jam was szukał, wracam z Grenady,
Ja wam zarazę przyniosłem!
Pocałowaniem wszczepilem w duszę
Jad, co was będzie pożerać...
Pójdźcie i patrzcie na me katusze,
Wy tak musicie umierać!

(Смотрите, о гяуры! Я посинѣлъ, поблѣднѣлъ... Угадайте, чей я посланникъ? Я обманулъ васъ: возвращаясь изъ Гренады, я принесъ вамъ заразу! Моимъ поцѣлуемъ я привилъ вамъ ядъ, который истощитъ васъ... Идите сюда и смотрите, какъ я страдаю: и вы должны такъ-же умирать)...

И это ужасное, мастерское произведеніе находится во всѣхъ учебникахъ, и въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій вливаетъ, каплю за каплю, убійственный ядъ въ души польской молодежи.

Точно такъ-же и два самыя крупныя и самыя гениальныя произведенія Мицкевича „Дяды“ и „Панъ Тадеушъ“ не совсѣмъ свободны отъ этой заразы, хотя надо отдать справедливость, что здѣсь фантазія поэта ступила на болѣе свободный, и болѣе свѣтлый путь. Главный мотивъ „Дзядовъ“, этого самаго индивидуальнаго творенія Мицкевича, заключается въ несчастной любви поэта къ Маріи Верещанкѣ, въ любви къ дѣвушкѣ, которая измѣняетъ юношѣ (Густаву), хотя на самомъ дѣлѣ Марія не измѣнила Мицкевичу, такъ какъ онъ даже не имѣлъ случая объяснить ей въ любви, она-же не питала къ нему никакого другаго чувства, кромѣ теплаго чувства

дружбы. Чувство страданій поэта выражено въ четвертой части поэмы, но въ концѣ концовъ поэтъ преодолеваетъ это чувство: жертва измѣны, Густавъ, умираетъ, и одновременно рождается Конрадъ — тонкій намекъ на Конрада Валленрода. Но этотъ Конрадъ является поэтомъ и патриотомъ вполне романтическаго характера. Онъ поетъ:

Pieśń ma była już w grobie, już chłodna;

Krew poczuła: z pod ziemi wygląda,

I jak upiór powstaje krwi głodna,

I krwi żąda, krwi żąda, krwi żąda!

Tak! zemsta, zemsta, zemsta na wroga,

Z Bogiem—i choćby mimo Boga!

I pieśń mówi: ja pójdę wieczorem;

Najprzód braci rodaków gryźć muszę.

Komu tylko zapuszczę kły w duszę,

Ten jak ja musi zostać upiorem.

Potem pójdziem krew wroga wypijem!

Ciało jego rozrąbiem toporem,

Ręce, nogi, gwoździami przybijem,

By nie powstał i nie był upiorem.

Z duszą jego do piekła iść musim,

Wszyscy razem na duszy usiądziem,

Póki z niej nieśmiertelność wydusim,

Póki ona czuć będzie—gryźć będziemy...

(Моя пѣсня уже остыла въ могилѣ; почувавъ кровь, выглядываетъ изъ подъ земли, и встаетъ какъ кровожадный вампиръ, и жаждетъ крови, крови, крови! Да! мечь, мечь, мечь врагу, съ Богомъ, или даже помимо Бога! И пѣсня говоритъ: я выйду подъ вечеръ, чтобы грызть сначала братьевъ земляковъ. Въ чью душу воцѣлюсь когтями, тотъ и самъ долженъ будетъ стать такимъ-же вампиромъ. Затѣмъ пойдемъ и выпьемъ кровь врага! Тѣло его разрубимъ топоромъ, руки и ноги поприбиваемъ гвоздями, чтобы онъ не всталъ и не сталъ вампиромъ. вмѣстѣ съ его душой отправимся въ адъ, всѣ вмѣстѣ сидѣмъ на нее, и будемъ грызть ее до тѣхъ поръ, по-

ка не выжмемъ изъ нея безсмертіе, пока только она будетъ чувствовать).

Эта поэма, долженствовавшая принять болѣе широкіе размѣры, такъ и осталась отрывкомъ. Конрадъ не успѣлъ приступить къ патріотическимъ дѣйствіямъ, поэтому неизвѣстно, что именно поэтъ намѣревался изъ него сдѣлать.

Настоящій герой большой эпопеи „Папъ Тад-ушъ“, монахъ-бернардинецъ Робакъ, собственно Яцекъ Соплица, является тоже человѣкомъ, совершившимъ поступокъ очень похожій на измѣну родинѣ вслѣдствіе личной злобы; онъ застрѣлилъ воеводу, отказавшаго ему въ рукѣ своей дочери, какъ разъ въ то время, когда этотъ воевода защищалъ свой замокъ отъ нападенія русскихъ, такъ, что русскіе считали Яцка своимъ союзникомъ. Онъ рѣшилъ искупить свой грѣхъ, и въ теченіи всей своей жизни много трудился и страдалъ для возстановленія отчины, а въ концѣ концовъ задумалъ организовать мятежъ на Литвѣ, чтобы проложить путь Наполеону, выступившему въ 1812-мъ году въ походъ противъ Россіи.

Всѣ эти описанія измѣны не были исключительными плодами души поэта, они всасывались имъ большей части изъ окружающей атмосферы. Это видно изъ его стихотворенія п. з. „На постояломъ дворѣ въ Упитѣ“ (poras w Upicie), въ которомъ поэтъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ однажды въ гор. Упитѣ слушалъ повѣствованіе обѣднѣвшаго шляхтича объ измѣнникѣ Сицинскомъ. Когда-то этотъ Сицинскій провалился на выборахъ въ сеймъ, въ отместку избирателямъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, и угостилъ отравленнымъ виномъ такъ, что они въ бѣшенствѣ поубивали другъ друга, а самъ измѣнникъ былъ убитъ молніей.

Эти нравственно гнилыя вліянія окружающей среды проникли въ глубину души поэта. Подчасъ они смягчались другими чувствами и воззрѣніями, и даже совершенно ступсывались, чѣмъ доказыва-

ется, что онъ обладалъ не одной только страстью изображать героевъ-измѣнниковъ.

Отголосокъ этого чувства слышится также и въ одномъ изъ самыхъ трогательныхъ лирическихъ стихотворений п. з. „Къ польской матери“, написанномъ въ 1830 году, т. е. какъ разъ во время возстанія Варшавы. Поэтъ говоритъ въ немъ:

O matko Polko, gdy u syna twego
W żrenicach błyszczy geniuszu świetność,
Jeśli mu patrzy z czoła dziecinnego
Dawnych Polaków duma i szlachetność;
Jeśli rzuciwszy rówienników grono,
Do starca bieży, co mu dumy pieje;
Jeżeli słucha z głową pochyloną,
Kiedy mu przodków powiadają dzieje:
O matko Polko, źle się syn twój bawi!
Każże mu wcześniej w jaskinię samotną
Iść na dumanie... zalegać rohoże,
Oddechać parą zgniłą i wilgotną,
I z jadowitym gadem dzielić łożę!
Tam się nauczy pod ziemię kryć z gniewem,
I być jak otchłań w myśli niedościgły;
Mową truc zcicha, jak zgniłym wyziewem,
Postać mieć skromną, jako wąż wystygły...

(О польская мать, когда ты у своего сына замѣтишь проблескъ гения, если у него проглянетъ гордость и благородство прежнихъ поляковъ, если онъ избѣгаетъ своихъ сверстниковъ, и бѣжитъ къ старцу поющему ему думы, гдѣ съ поникшею головою слушаетъ рассказы о подвигахъ предковъ: о польская мать, твой сынъ ведетъ себя дурно! Прикажи ему заблаговременно удалиться въ уединенную пещеру, пусть тамъ онъ предается размышленіямъ, валяясь на рогожахъ, пусть дышитъ гнилымъ и сырымъ воздухомъ, рядомъ съ ядовитой змѣей! Тамъ онъ научится скрывать свой гнѣвъ, уподобляться пропасти не постижимой, отравлять изподтишка рѣчью,

какъ гнилымъ испареніемъ, принимать видъ скромный остывшей змѣи).

Это стихотвореніе по нынѣшній день считается польской молодежью самымъ прекраснымъ цвѣткомъ патріотическаго чувства, и его декламируютъ съ воодушевленіемъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли почти всю поэзію Мицкевича, и — надо полагать — доказали вполне удовлетворительно, что измѣна, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, является главнымъ мотивомъ почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, но что она — и это характернѣ всего — изображена не какъ низкій порокъ, не какъ отрицаніе этического чувства, но очень часто представляется чѣмъ то геройскимъ, нерѣдко даже чѣмъ то идеальнымъ, происходящимъ отъ возвышеннаго патріотизма. Печальны, должно быть, были тѣ времена, когда гениальный поэтъ рѣшился ступить на столь ложный путь, и печальная участь предстоитъ народу, который, безъ всякой оговорки, считаетъ такого поэта величайшимъ національнымъ героемъ и пророкомъ, и вскармливаетъ молодыя поколѣнія ядовитыми произведеніями его духа.

Д-ръ Иванъ Франко.

F 8320

